

Виктор Точинов

Князь

Виктор Точинов

Князь

«Точинов Виктор»

2015

Точинов В. П.

Князь / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2015

«С начала лета за Вышгородом, в заповедных княжьих лесах, протянувшихся на несколько верст по-над Днепром, не раз видывали красного зверя пардуса, сиречь барса. Услышав первое о том донесение, князь не поверил. Он много лет посвящал досуги охоте, и псовой, и соколиной, и всю окрестность знал досконально, — но пардусов здесь испокон веку не водилось, и даже из мест иных не забредали. И самые древние старики не вспоминали, чтоб на их памяти такое бывало...»

© Точинов В. П., 2015

© Точинов Виктор, 2015

Виктор Точинов

Князь

С начала лета за Вышгородом, в заповедных княжьих лесах, протянувшихся на несколько верст по-над Днепром, не раз видывали красного зверя пардуса, сиречь барса.

Услышав первое о том донесение, князь не поверил. Он много лет посвящал досуги охоте, и псовой, и соколиной, и всю окрестность знал досконально, – но пардусов здесь испокон веку не водилось, и даже из мест иных не забредали. И самые древние старики не вспоминали, чтоб на их памяти такое бывало.

Заполевать редкого зверя князю как-то довелось, давненько и далеко, гостя в Тмутаракани, в пору недолгого княжения в ней племянника Глеба. Но и там пришлось выезжать на ловлю в дальнюю украину, к предгорьям Касожских гор, и даже в тех пустынях пардусы почитались куда как редкостной и завидной добычей.

Он не поверил. Счел, что за пардуса приняли рысь – крупную и необычной окраски, рысего выродка или князька, случаются порой такие севернее, в черниговских и полоцких лесах. Мог такой и здесь, под Киевом, случиться.

Князь не поверил, но донесения множились, порою пардуса видели одного, а иногда и сразу пару. Тогда он усомнился, – два рысжих выродка зараз все ж многовато, – и послал ловчего Ставра с наказом разведать все досконально. Тот поседел на ловле и знал о ней все, и ошибиться не смог бы.

Ставр вернулся с удивительным известием: и вправду, пара пардусов. Чуть иные, чем в Касожских горах (Ставр был при князе на давней тмутараканской охоте), но сомнений нет: пардусы. Готовить ловлю?

Князь приказал повременить. Покрыть благородной шкурой седло – дело доброе, но пара наводила на мысль, что звери могут прижиться, размножиться. Тогда и детям, и внукам достанется отвесть редкой дичи.

Подловчие, самые искусные в выведывании следов, были отряжены Ставром в пушу – сыскать при возможности логово пардусов, и, не тревожа, заметить место.

Князь же разослал сотню конных дружинников, разместив их малыми станицами по окрестным деревням, – чтоб стерегли бережнее глаза редких зверей от посягательств возможных злочинцев. Деревенским смердам было велено под страхом смерти терпеть любой убыток в животине, буде такой от пардусов приключится.

Поначалу логово не нашли – пардусы появлялись то там, то тут, и постоянной лежки, кажется, не имели.

Но к исходу цветения их последний раз видели вдвоем, и самка была сукотна.

После того самец появлялся лишь в одиночку, и блуждания его прекратились – все встречи с пардусом отныне случались в той части леса, что примыкала к деревне Залучье.

Давил косуль и кабанов красный зверь больше прежнего, и стало ясно: подруга его окотилась удачно, детеныши подрастают. А вскоре и подловчие донесли – сыскали, дескать, логово, но близко не подошли, следов и духа человеческого не оставили.

Тем временем, хоть и были заповедные княжьих леса богаты дичью, но прожорливая семейка подраспугала зверье в округе.

Ставр полагал, что пардусы с подросшим выводком вскоре откочуют подальше, в места нетронутые. И, верное, так бы и вышло, не будь поблизости Залучья. Но деревня была, и все получилось иначе.

Почуяв легкую добычу в деревенской скотине, пардус притеснял селян, как мог. Крал коз и телят с выпасов, да и запертые хлева не помогали – пардус не волк, единым скоком взлетал

на кровлю, – и, разворошив солому, брал свое, а после уходил тем же путем с добычей. Порою и озорничал: зарезав животину, не забирал, бросал на месте.

Дружинники доносили: разоряются смерды, вот-вот совсем в нищету впадут. И неровен час, кто-то из них красного зверя на вилы примет, всем княжьим запретам вопреки: смотреть, как дети будут зимой с голоду помирать, страшнее любой казни.

Князь призадумался. Он мог сселить смердов от леса, но разменивать целую деревню на пару редких зверей с приплодом не был готов. Пока смерды обустраиваются на новом месте – на пару лет о податях можно позабыть. А если пардусы, лишившись привычной легкой пищи, откочуют к другой деревне, как тогда? И тех сселять?

Он был рачительным владельцем земли и не мог так поступить.

Призвал на совет Ставра, посовещались вдвоем. Старый ловчий имел схожее мнение: лес по большому счету невелик, и пардусов не прокормит, не к той, так к иной деревне выйдут. Ставр предложил: устроить ловлю, больших зверей заполевать, детенышей же взять живьем и дорастить, не приручая, – выкармливая не просто свежатиной, но живыми зайцами, а позже и косулями. Как дорастут – выпустить в дальнюю пушу, размером поболее и дичью побогаче. В самой лесной сердцевине выпустить, от деревень подальше. Господь попустит, так приживутся.

Предложенное казалось разумным, и князь согласился.

...Лето подкатывало к своей макушке, и начались самые жары. Подготовка к ловле завершилась: для юных хищников закончили сооружать обширный загон, крытый сверху, чтоб звери не ушли, – изображал он как бы кусочек леса, с деревьями и разными звериными укрытиями, чтоб не терялась привычка к вольной дикой жизни.

Под присмотром Ставра сплели новые тенета особого устройства, прочней обыденных, и сделанные с учетом того, что дичь предстояло полевать весьма прыгучую. Князь же поджидал из Чернигова Володимира, своего старшего сына от ромейской царевны. Володимир был охоч до ловли, хоть и неудачлив в ней: один раз тур подмял его с вместе с лошадьёю и попортил рогом бедро, другим разом вепрь клыком вспорол сапог вместе с ногою, случалось и иное нехорошее.

Князь поджидал сына, и, дождавшись, следующим же днем повелел двинуться на ловлю.

* * *

Выехали малым ловчим поездом, не повезли с собой княгиню и весь двор – лишь тех, кто действительно нужен на охоте, да дружинников в малом числе – скорее для почету, чем для бережения, лето выдалось мирное.

К деревне Залучье добрались лишь к вечеру: поезд, хоть и считался малым, включал до сотни народу и десятки возов, – те, груженные ловчей снастью и прочим скарбом, катили медленно.

Решили лагерем в поле не вставать, постояничать в деревне, благо к месту задуманной ловли была близка, – Ставр дважды загодя выезжал сюда, и продумал весь распорядок и устав грядущей охоты.

Ставить тенета надлежало с рассветом, лишь развиднеется, а загонщики – кричане и молчане – будут высланы в оклад еще затемно.

Скликнули деревенских смердов, и речь к ним держал Митряйка, одноглазый княжий сподручник, – когда князь сам к народу обращается, то для народа честь, ее еще заслужить надо.

Митряйка селян порадовал: за порезанную красным зверем скотину князь жалует по пять векшей за каждый малый загубленный живот, по десять за большой, но совокупно не более ногаты на двор, но не на руки, а вычтя с подати, иль с недоимок, буде у кого имеются.

Народ крикнул князю славу, но сильно глотки не драл, иные пострадали от пардуса и поболее, чем на ногату. И все ж было видно, что селяне довольны, могли и того не получить, – и князь понял, что сделал все правильно.

Митряйка продолжал: но княжью милость еще отслужить предстоит, так что парни и мужики пусть собираются, в оклад потемну пойдут, загонять красного зверя.

Селяне были к тому привычны, недаром при заповедном лесе жили. Радости не выказали, но все ж и не роптали, и напрасно ближний дружинник Дмитр, главенствующий над дружинными кметами и гриднями в этой ловле, зорко поглядывал на толпу: не выкажет ли кто недовольства...

Когда народ расходился, Митряйка вопросительно глянул на князя, тот едва заметно кивнул. За долгие годы они с Митряйкой привыкли понимать друг друга без слов в этом деле. Хотя кивал теперь князь куда реже, чем в былые времена.

Князь поглядел на закат, и небо показалось странным: багровело ярче обычного, и чернели на багровом фоне тучи причудливой формы: не то неведомые чудища, не то буквицы загадочной азбуки... Возможно, то было знамение, но князь не стал ломать голову, о чем оно.

* * *

Отвечеряв, князь поднялся наверх, в светлицу тиунова дома – решив лечь сегодня пораньше. И остальным наказал, чтоб не засиживались, и бражничали в самую малую меру.

Светлица была невелика, но прибрана достойно. Здесь не жили, берегли для самых знатных гостей, дом тиуна – дом особый, тут кто угодно загостевать может, да хоть бы и владетель всей державы, как ныне...

Горели две свечи, стояла рядом с ними баклажка ромейского вина, небольшая, привезенная с собой. Стояла у кровати бадья с теплой водой – омыться с дороги.

Он помолился у образов: и за успех завтрашней ловли, и за благополучие своей земли; молился неторопливо, хоть знал, – за дверью ждет кривой Митряйка, и не один.

После в дверь поскребли, он дозволил, и внутрь проскользнул сподручник, доложил:

– Тиун свою дочь предлагал, девка справная и все при ней.

Митряйка поднес изогнутые ладони к груди, изобразив, какие у тиуновой дочки перси, те и впрямь выходили справные. Продолжил:

– Но я глянул – порчена.

Единственный глаз Митряйки обладал удивлявшим князя свойством: поглядит сподручник на любую девку с вниманием, и говорит точно: бывала под парнем или нет. Куда там бабкам-повитухам – вот прямо пальцем не тронув, сразу говорил, и ни единым разом не ошибся, князь спервоначалу проверял, да после забросил... Такое уж чутье человеку дадено, Господь ведает, для чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.